

центрированном виде воплощены свидетельства большого количества исторических источников. Карты и планы выступают не как иллюстрация к тексту, а как существенная составляющая монографического исследования.

В заключении авторы уделили немало внимания военно-историческим и историко-дипломатическим проблемам, продемонстрировав высокий профессиональный уровень проведённого исследования. Однако формулируя центральный вывод, они явно «поскромничали», отметив только, что в итоге войны 1686–1700 гг. Россия «покончила с пережитками даннических отношений с татарами... усилила своё влияние на соседние народы, получила выход к Азовскому морю», добилась пограничного размежевания с Османской Портой, что привело «к снижению значения и статуса буферных полугосударственных и государственных образований, таких как Запорожская Сечь, Войско Донское, Крымское ханство» (с. 508). Не вдаваясь в детали многолетней дискуссии о формировании «государств современного типа», а также в рассмотрение концепций советской историографии о природе, процессах и критериях государственной централизации периода феодализма, отмечу, что данные авторами определения в отношении казачьих объединений и Крымского ханства им абсолютно не соответствуют. В этом случае мы встречаемся ещё с одним примером влияния политологической моды.

Думается, что исследование А.Г. Гуськова, К.А. Кочегарова и С.М. Шамина гораздо более значительное и глубокое по содержанию, нежели об этом заявили сами авторы. Оно посвящено важному периоду в истории России, когда начался переход от Московского царства к Российской империи. Главным итогом войны 1686–1700 гг. стал исторический поворот от противостояния крымско-турецкому натиску к завоеванию выхода к Черному морю. Монография хотя и посвящена главным образом военно-политическим проблемам, имеет всё же более широкое значение. Во-первых, потому, что военная функция государства Нового времени играет центральную роль и в решающей степени влияет на все стороны государственной деятельности и общественной жизни. Во-вторых, содержащийся в монографии богатейший исторический материал служит благодатной почвой для наблюдений и выводов не только сугубо по военной, но и по политической истории, истории государственного хозяйства, сословий, окраин Российского государства и живших там народов. Книга может стать источником полезных сведений в самых разных областях исторических знаний, вплоть до исторической географии. Она даёт немало поводов для постановки спорных вопросов, для обсуждения дискуссионных проблем. Это ещё раз доказывает, что авторы обратились к исследованию важной темы, а внесённый ими вклад послужит развитию отечественной исторической науки.

Глеб Казаков. Не Азовом единым

Gleb Kazakov (Justus Liebig University Giessen, Germany). Not just about Azov

DOI: 10.31857/S2949124X24020047, EDN: HJTFYS

Рассматриваемая книга представляет собой довольно редкий в исторической науке формат публикации — коллективную монографию. Её авторы — известные исследователи истории России второй половины XVII в., специали-

зирующиеся, впрочем, не на военной истории, как можно было бы ожидать, исходя из заглавия монографии, а на изучении культурных связей, коммуникационных процессов и дипломатии Московского царства времени первых Романовых. Работа, посвящённая русско-турецкой войне, таким образом является своеобразным дебютом авторов на поприще военной истории³¹. Как справедливо отмечено в предисловии книги, военная история России XVII в. является динамично развивающимся исследовательским полем. Новые публикации появляются с завидной частотой, впрочем, в большинстве случаев исследования оказываются посвящены конфликтам Московского царства с западными соседями — Речью Посполитой и Швецией. Русско-турецкая война 1686—1700 гг. обладает в историографии противоречивым статусом. С одной стороны, обзор Крымских и Азовских походов традиционно занимает важное место в политической биографии кн. В.В. Голицына (да и царевны Софьи) и Петра I, так что данные эпизоды безусловно следует признать хорошо изученными. С другой стороны, как подчёркивают авторы книги, вся война целиком ни разу не становилась предметом монографического исследования и в целом крайне слабо отрефлексирована в историографии как единый конфликт. Заполнить эту лакуну и стараются авторы книги.

Ознакомившись с работой, приходишь к заключению, что авторами преследовались две основные задачи, которые условно можно охарактеризовать как микро- и макроуровень. На микроуровне учёные постарались уделить больше внимания и подробно осветить менее известные эпизоды войны, в особенности боевые действия на Северном Кавказе и в Прикаспии, а также кампании вокруг днепровских городков. Макроуровень отражает стремление очертить общие рамки военного конфликта: выделить его основные хронологические этапы, показать цели и задачи сторон, обрисовать общий исторический фон и, наконец, дать оценку результатам войны.

Выход за рамки традиционной дуалистической парадигмы «от неудач под Крымом до успеха под Азовом» является удачным решением авторов. Они убедительно демонстрируют, что театр боевых действий был намного шире этого традиционного историографического клише. Особенно интересны главы, затрагивающие кампанию по захвату и удержанию городков в низовьях Днепра в 1695—1697 гг. По признанию авторов, именно борьба за Тавань и Казы-Кермен в 1697 г. стала моментом, когда «русско-османский конфликт достиг наибольшей интенсивности» (с. 507—508). Отдельная глава посвящена событиям на Северном Кавказе и в Прикаспии, где османские войска не присутствовали напрямую, а боевые действия часто велись через посредничество прокси-сил — черкесских властителей, калмыцкого хана и казачьих общин. В изучение Крымских и Азовских походов авторами также добавлено много нового фактологического материала. Заполнение лакун в исследовании русско-турецкой войны стало возможным благодаря широкому привлечению новых архивных документов. Авторы не стали следовать традиции и опираться

³¹ Следует упомянуть, что ещё до выхода монографии авторы опубликовали ряд статей, посвящённых различным эпизодам русско-турецкой войны: Гуськов А.Г., Кочегаров К.А., Шамин С.М. Русско-турецкая война 1686—1700 гг. // *Российская история*. 2020. № 6. С. 30—49; Гуськов А.Г., Шамин С.М. Оборона днепровских городков в 1697 году — ключевой эпизод русско-турецкой войны 1686—1700 годов // *Вестник Воронежского государственного университета*. Сер. История. Политология. Социология. 2021. № 3. С. 27—35; Башнин Н.В., Гуськов А.Г., Шамин С.М. Война на Северном Кавказе (1686—1698 гг.) // *Российская история*. 2021. № 4. С. 30—43.

ся преимущественно на нарративные источники (дневники, мемуары, записки участников боевых действий и дипломатов), а решили изложить историю конфликта с опорой на делопроизводственные документы. Данное решение кажется вполне уместным в рамках военной истории. Деловой язык служебных отписок, донесений и наказов, сухо сообщающих о количестве заготовленного фуража, темпах передвижения войска, понесённых потерях и проч., как нельзя лучше подходит для воссоздания подробной картины боевых действий. Так, с опорой на архивные источники авторам удалось перепроверить информацию о численности русского войска в первом и втором Крымских походах, которая оказалась оценена приблизительно в 100 тыс. человек. Внимание к деталям и статистическим данным, скрупулёзная реконструкция хода событий отражают стремление авторов как можно более полно насытить монографию о русско-турецкой войне 1686–1700 гг. данными на микроуровне. Впрочем, одновременно нельзя не признать, что такая манера изложения, когда несколько страниц текста оказываются перенасыщены датами, именами начальников отрядов и географическими локациями, сказывается на темпе чтения и лёгкости восприятия текста.

Удалось ли авторам провести исчерпывающий анализ русско-турецкого конфликта на макроуровне? Предложенная в книге периодизация войны с её делением на семь этапов кажется убедительной. Нельзя не поприветствовать решение авторов не ограничивать монографию описанием боевых действий, а добавить главы, посвящённые распространению информации и публичной пропаганде о войне и дипломатическим усилиям России по заключению мирного договора соответственно. Они, безусловно, отражают исследовательский профиль авторов, много и плодотворно работавших над смежными темами³². Подробный рассказ об участии П.Б. Возницына в Карловицком конгрессе в 1698–1699 гг. и миссии Е.И. Украинцева в Константинополь в 1700 г., включающий рассмотрение разных версий наказов послам, позволяет лучше понять логику внешнеполитических замыслов Петра I (который даже весной 1699 г. ещё не полностью отказался от идеи дальнейшего наступления на турок на Чёрном море) и методы работы русских дипломатов. В целом взгляд авторов на итоги войны для Российского государства можно охарактеризовать как умеренно оптимистичный. Они отмечают «рост международного авторитета страны», выразившийся в том числе в прекращении выплаты поминок крымскому хану и ведении переговоров с османами о разделении сфер влияния в Причерноморье в обход Крыма, формального вассала турецкого султана. Упоминается и приобретение Россией выхода к Азовскому морю, причем, без итогового упоминания о том, что без завоевания Керчи, сдавать которую на переговорах османы категорически отказались, ни о каком мореплавании на Чёрном море не могло идти и речи. В определённой степени реабилитируются и голицынские Крымские походы, во время которых, особенно в 1689 г., мобилизация и обеспечение армии были организованы достаточно эффективно, позволив осуществить «успешный переход по степной и ненаселённой местности огромного по тем временам войска» (с. 504). Приходя к такому выводу, авторы, к сожалению, не ссылаются на работу американского историка Б. Дэвиса, по-

³² *Шамин С.М.* Куранты XVII столетия: Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М.; СПб., 2011; *Гуськов А.Г.* Великое посольство Петра I. Источниковедческое исследование. М., 2005.

священную военному делу в южной части Восточной Европы XVI и XVII вв., где также высказывалась мысль об эффективности логистического обеспечения московского войска во время Крымских походов³³.

Несомненно, авторы не могли не коснуться вопроса о том, как русско-турецкий конфликт в целом повлиял на ход войны Священной лиги, составной частью которой он, по сути, и являлся. Наиболее проработана история данной войны, пожалуй, в работах немецких и австрийских историков³⁴, ведь именно держава Габсбургов внесла наибольший вклад в дело антиосманской коалиции и в итоге получила наибольшие территориальные приобретения по результатам Карловицкого конгресса. Авторы монографии уделяют достаточно внимания дипломатическим контактам России с союзниками, впрочем, наиболее подробно анализируя конкретно русско-польские связи и совместные планы. Кажется, не будет ошибкой предположить, что такое расставление акцентов явилось в том числе следствием специфики профиля исследований одного из соавторов, занимающегося преимущественно отношениями России с Речью Посполитой³⁵. Вопрос же о том, насколько участие России в войне и прежде всего её попытка отвлечь на себя силы Крымского ханства повлияли на ход боевых действий на Балканах, оставлен открытым, хотя авторы всё же дистанцируются от гиперболизации роли России в антиосманской коалиции, характерной для советской историографии. В целом события на западном фронте османов упоминаются в монографии лишь эпизодически (например, битва при Зенте в 1697 г.). Авторы, безусловно, правы, оговаривая, что для поиска ответа на озвученный выше вопрос «необходимо выйти за рамки исследованной в книге проблематики и изученных источников» и что «подобная работа... не входила в число поставленных авторами данной книги исследовательских задач» (с. 507). И всё же кажется, что более подробная обрисовка хода всей войны Священной лиги с опорой на зарубежную историографию помогла бы полнее раскрыть значение русско-турецкой войны в общем контексте европейской истории конца XVII в.

Вопрос о том, как информация о ходе русско-турецкой войны воспринималась за рубежом, поднят авторами в главе «Война и идеология: распространение информации и презентация событий в публичном пространстве». В ней существенное внимание уделено попыткам царского правительства распространить в Европе — как в придворных кругах, так и в публичной сфере, т.е. в печати — нарратив о победоносных кампаниях русского войска. В целом такие попытки авторы признают удачными. Анализ реакции зарубежной прессы при этом сделан преимущественно с опорой на данные вестей-курантов — русских переводов из иностранных газет, делавшихся для царя и его окружения переводчиками Посольского приказа. Обращение к оригиналам газетных номеров, вероятно, могло бы скорректировать такой, как кажется, излишне

³³ Davies B.L. Warfare, State and Society on the Black Sea steppe, 1500–1700. L.; N.Y., 2007. P. 178–183.

³⁴ В качестве примеров можно привести монографии: *Hochedlinger M.* Austria's wars of emergence: war, state and society in the Habsburg monarchy, 1683–1797. L., 2003; *Böttcher H.-J.* Die Türkenkriege im Spiegel sächsischer Biographien. Herne, 2019; *Eickhoff E.* Venedig, Wien und die Osmanen: Umbruch in Südosteuropa 1645–1700. Stuttgart, 2008; *Bremm K.-J.* Die Türken vor Wien: zwei Weltmächte im Ringen um Europa. Darmstadt, 2021.

³⁵ *Кочегаров К.А.* Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире 1686 года. М., 2008.

оптимистичный взгляд, по крайней мере для периода «бесславных» Крымских походов. Анализу сообщений немецкой прессы о вступлении России в анти-османскую коалицию и походах 1687 и 1689 гг. посвятил раздел своей работы немецкий историк М. Вельке³⁶, пришедший к выводу, что оптимизм первых реляций о русско-польском союзе быстро сменился нотами разочарования. Уже в июне 1687 г. гамбургская газета писала, что русские, по всей видимости, «не собираются всерьёз вести войну с турками... и нашему извечному врагу в этом году со стороны русских опасаться нечего»³⁷. Исследование реакции европейской — немецкой, голландской, французской, английской — прессы на перипетии русско-турецкой войны, возможно, станет интересным полем для будущих исследователей, тем более что сегодня газеты XVII в. в большинстве оцифрованы и находятся в открытом доступе в интернете.

Несмотря на высказанные критические замечания, коллективная монография о русско-турецкой войне 1686–1700 гг. — важная веха в истории исследования данного конфликта. Написанная с привлечением обширного архивного материала, книга непременно станет справочником для каждого, кто занимается военной историей России раннего Нового времени. Менее известные, но имевшие колоссальное влияние на окончательный итог войны эпизоды, такие как захват и оборона городков в низовье Днепра, получили в монографии должное освещение. Анализ же театра боевых действий на Северном Кавказе и в Прикаспии не только добавляет новую страницу в историю русско-турецкой войны, но и позволяет лучше понять методы взаимодействия Российского государства с локальными правителями и сообществами на своей периферии.

Пётр Аваков. Первая монография о первой войне Петра I*

Pyotr Avakov (Federal Research Centre the Southern Scientific Centre, Russian Academy of Sciences, Rostov on Don). The first monograph on Peter I's first War

DOI: 10.31857/S2949124X24020059, EDN: HJDSRJ

Русско-турецкая война конца XVII в. — самая продолжительная за всю историю противостояния России и Османской империи и первая в царствование Петра I — имеет сложную историографическую судьбу. Долгое время она не осмысливалась историками как единый конфликт и дробилась ими даже не на кампании, а на отдельные военные операции. Самые известные из них — Крымские походы 1687 и 1689 гг. и Азовские походы 1695–1696 гг. — традиционно представляются в литературе своеобразными «пьесами без начала и конца», слабо связанными друг с другом. До сих пор отсутствует чёткое понимание хронологических рамок войны. Совместный труд А.Г. Гуськова, К.А. Кочегарова и С.М. Шамина представляет собой первый опыт её цельного комплексного изучения. Данный факт уже сам по себе делает книгу незаурядным явлением отечественной историографии.

³⁶ Welke M. Rußland in der deutschen Publizistik des 17. Jahrhunderts (1613–1689) // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 23. Berlin, 1976. S. 236–243.

³⁷ Ibid. S. 240.

* Материал подготовлен в рамках выполнения государственного задания Южного научного центра РАН на 2024 г. (проект № 122020100347-2).